

Дипломатия Китая и восточных тюрков в середине VI–VIII вв.*

* Работа выполнена по государственному контракту № 16.120.11.96-МК в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых, шифр МК-96.2011.6

Р.Т. Ганиев

Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Studies methods of China's foreign policy to the Eastern Turks in VI–VIII century. Study the marriage policy between China and Khanate of Eastern Turks, foreign policy doctrines, Chinese policy of «splitting», «gifts» and policy of «sons-hostages».

Великий Тюркский (545–581 гг.), а затем Восточнотюркский каганаты (581–745 гг.) занимали обширную область, которая в южном направлении доходила до Великой китайской стены. Она служила границей между двумя государствами, но отнюдь не была непреступной для восточных тюрков. Тюрки постоянно совершали военные набеги и разоряли северные земли Китая. Решение этой проблемы являлось для китайских правителей основной внешнеполитической задачей на протяжении двух веков.

Рассмотрим основные приемы дипломатии, которые пользовались наибольшей популярностью, как среди китайцев, так и у восточных тюрков, которые зачастую копировали методы своих соседей.

Одним из действенных инструментов китайской внешней политики были брачные союзы. Свадьбы китайских принцесс с иноземцами уже во время императора Гао-цзу (206–195 до н.э.) династии Хань были одним из излюбленных дипломатических ходов. В свое время император Гао-цзу династии Хань отдал в жены Шаньюю Сюнну китайскую принцессу, чтобы Сюнну смягчились [Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken (Tukue). (Gottinger Asiatische Forschungen, Band 27). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen. Anhang. Index) // Gottinger Asiatische Forschungen, Band 10. Wiesbaden, 1958. S. 392 (здесь и далее перевод Р.Т. Ганиева)]. Однажды советник императора Лю Цзин сказал, «это надежда на будущее, что когда-нибудь сын, который родится у принцессы, сядет на трон варваров, и будет дружить с Китаем» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 165]. Таким образом, они рассчитывали на про-

должительную дружбу на Северной границе. Но история показывала, что иногда брачная политика, которую они использовали по отношению к тюркам, не давала желаемый результат.

По сведениям китайских источников, первыми с предложением о свадьбе пришли на двор китайского императора восточные тюрки. Тумынь каган в 551 г. просил Китай о свадьбе, и династия Западная Вэй дала ему в жены принцессу Чан-ло [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 7]. Чуть позже, император Северная Чжоу и император Северная Ци соревновались за руку дочери Мухань кагана. При этом они использовали все средства дипломатии, интриги и подкупы. Когда, в конце концов, победил император Гао-цзу (=У-ди) династии Северная Чжоу, в 567 году он захотел вернуть обратно принцессу тюрков, т.е. императрицу Ашина [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 25].

О том, каким образом воспринимал Китай силу тюрков в то время, когда он был ослаблен и как он должен с ними обходиться, свидетельствуют успокаивающие слова юной принцессы императору Гао-цзу династии Северная Чжоу, так как император не испытывал симпатии к своей жене, императрице Ашина, из-за ее внешности. «На границе не спокойно, и тюрки еще сильны, поэтому я прошу тебя, любимый дядя, подавить свою досаду и обходиться с почтением со своей женой. Народ Китая ждет! Если ты получишь поддержку тюрков, тогда повсюду прекратятся несчастья!» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 393]. По предложению кагана Та-бо император Цзин-ди Северная Чжоу в 579 году выдал за него принцессу Цянь-цинъ, но, несмотря на брачный договор, набеги на пограничные территории со стороны тюрков продолжались [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 14].

В период своего усиления в конце VI в., династия Суй поддерживала прокитайски настроенного тюркского кагана – Жаньганя. Чтобы посеять раздор между тюрками, император Гао-цзу Суй обходился с Жаньганем (=Циминь каган) особенно почтительно и дал ему в жены принцессу Ань-и в 597 году, а после ее смерти принцессу И-чэн. Шиби каган, согласно традиции, в 609 году взял в жены эту же принцессу, т.е. свою мачеху, после того как умер его отец Циминь каган [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 57–59].

Позже при династии Тан в начале VIII в. тюрки имели военное превосходство и были необычайно сильны и могущественны во время правления кагана Мо-чо. Когда императрица У под давлением Мо-чо кагана дала ему принца из своего рода У, чтобы выдать замуж дочь Мо-чо за него, Мо-чо рассердился, так как жених не

был настоящим принцем из императорского дома Ли династии Тан и, не долго думая, арестовал его. Несмотря на это и на постоянные набеги Мо-чо на приграничные территории, императрица уступила и предоставила ему на выбор двух настоящих принцев из дома Ли [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 216].

Наряду с важным военно-политическим подтекстом, брачные союзы китайских принцесс с правителями соседних народов считались и оказанием особых почестей для последних. Благодаря подобным бракам с представителями китайских династий, кочевые народы получали дополнительный престиж в глазах соседних племен. Когда династия Тан медлила с ответом дать в жены Пи-цзя кагану принцессу, он сказал китайскому послу: «Туфань (тибетцы) имеют предков от собак, но государство Тан заключило с ними брачный союз. Хи и Кидань служили нам как рабы, но они тоже имеют принцессу в качестве жены. Только Туцзюэ являются обделенными. Что вы скажете об этом?» Таким образом, каган тюрков чувствовал себя униженным перед другими кочевыми народами [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 227].

Также династийные хроники пестрят сообщениями о вручении тюркским каганам императорских подарков, но данный факт требует критического осмысления, так как зачастую только китайцы склонны называть эти подношения «подарками». Сведения китайских источников отражают официальную идеологию императорского Китая, которая противопоставляет Срединную империю остальным варварским народам. К «варварам» относились все соседние государства, даже если таковые представляли собой крупные и развитые политические объединения. Учитывая особенность китайских текстов, следует критически воспринимать информацию «из китайских уст» и не всегда считать дословный перевод китайского текста достоверным, так как он является эмоционально-лексическим текстом, главной задачей которого было выгодное изображение Срединной империи.

Известно, что на официальных мероприятиях император одаривал кагана. Был ли это посланник тюрков или китайский посланник у тюрков, почти всегда совершались подарки кагану и всегда в большом количестве. Се-ли каган ... «опираясь на оставленные богатства отцом и старшими братьями, на элитные отряды и многочисленных лошадей, становился надменным, и возвысился над всеми варварами. Он не уважал Китай из-за отсутствия дружбы с ним,

поэтому его слова в письмах к императору были дерзкими, и он установил чрезмерную задолженность. Так как император лишь недавно взшел на трон, он унизился и делал Се-ли неисчислимые подарки, но желания Се-ли были ненасытными и безграничными» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 184].

Можно предположить, что императорские подарки в действительности были завуалированной данью. Примечательны подарки для выражения соболезнования в случае смерти кагана: император Суй подарил 5 000 рулонов шелка по поводу смерти Шаболюэ кагана, а император Тан подарил 30 000 рулонов шелка после смерти Шиби кагана [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 182]. Значительны были подарки и при восхождении на трон кагана: Суй подарил Чулоху по этому случаю музыкальный корпус и знамя, а Юньюлюй – 3 000 рулонов шелка [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 55].

Возможно, своими щедрыми подарками Китай намеревался приобрести дружбу с тюрками. Об этом же говорится и в биографии Ли Гуй: «...Император Гао-цзу приказал Ли Гую взять несколько десятков тысяч кусков полотна (бу) и шелка (бо) и доставить их к Туцзюэ и заключить с ними союз» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 277]. Кроме подарков, которые посылались императором по особым случаям, было также и определенное количество подарков, которые посылались ежегодно; скорее всего, это было частью их обменной торговли. Китай дарил шелк, а тюрки дарили им своих лошадей.

Чжоу-шу сообщает: «Тогда наш императорский дом был с ними в тесном союзе (брачном), и дарил им ежегодно 100 000 мотков шелка (цзэн), шелкового крепа (сюй), парчи (цзинь) и цветного шелка (цай)» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 13].

Тан-шу: «Он позволил Туцзюэ в западном Шоу-сян-чэн (городе для подчиненных) от Софан (армии) (с китайцами) заниматься торговлей. Он дарил им ежегодно 100 000 мотков шелка» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 228].

Известны следующие виды товара, которые подносились в качестве «подарков»: шелк различных видов, полотно, вата, золото, нефрит, вазы, драгоценности, одежда, продукты питания, вино, постельные принадлежности, седла, кареты (повозки), флаги и музыкальные капеллы [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 396].

Для тюрков китайские подарки были необходимым импортом из-за границы. В свою очередь тюрки также платили дань, но в целом для них обоих это был выгодный товарообмен.

В лучших традициях китайской науки стратегии, Китай проводил между соседними народами политику раскола. Насколько губительной для тюрков была китайская политика разъединения, нам сообщает надпись Кюль-тегина: «...Дав себя прельстить их сладкой речью и роскошными драгоценностями, ты, о тюркский народ, погиб в большом количестве» [Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М. – Л., 1951. С. 33]. Китайцы с успехом проводили политику раскола. Известный знаток тюрков при дворе императора Пэй Цзюй считал: ««Туцзюэ простодушны и между ними можно сеять раздор» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S.87].

В биографии Чан-сунь Шэна под 581 г. сообщается: «Чан-сунь Шэну было известно, что Шэ-ту, Дяньцзюэ (Датоу), Або, Ту-ли и др., которые были друг другу дядьями, племянниками и братьями, располагали большим количеством солдат, назывались каганами и господствовали на четырех сторонах света. Он знал, что они очень недоверчивые и жадные друг к другу, но на публике внешне держатся вместе, поэтому их силой очень трудно победить, а хитростью разъединить легко» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 98].

Тюрки также прибегали к подобным методам против своих соседей. Табо каган на протяжении нескольких лет успешно лавировал и сталкивал династию Северная Чжоу с Северная Ци и однажды сказал: «Зачем мне вообще заботиться о том, что мне чего-то не будет хватать, когда оба моих «сына» на юге (имеются в виду императоры династии Северная Чжоу и Северная Ци) остаются мне почтительными и послушными?» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 13]

Следующим инструментом китайской дипломатии являлся прием «удерживания» китайскими властями тюркских посланников на императорском дворе. Еще со времен подчинения Хуханье, Шаньюя Сюнну (53 г. до н. э.), правители иноземных государств отправляли своих сыновей с продолжительными визитами на императорский двор. Восточные тюрки делали то же самое. Сыновья назывались Ши-цзэ (наносящие визит сыновья) или Чжи-цзэ (сыновья-заложники). В первую очередь они должны были своим присутствием способствовать дружественным отношениям между Китаем и их народом. В то же время они были агентами для выяснения военных тайн и культурными посредниками. Китай чувствовал себя спокойно, когда в их руках были сыновья государей соседних народов. Они баловали их, чтобы привлечь на свою сторону и, таким образом, установить на границе мир и покой.

В биографии Се Дэн в Тан-шу мы находим: «...Во время годов Тянь-шоу (690–691) Се Дэн был назначен Цзо-бу-цзоэ (левым служащим по дополнению упущений)... Тогда находилось много сыновей варваров со всех четырех сторон света в качестве заложников в столице; например, Лунь-цин-лин (Ту-фань), Ашидэ Юаньчжэнь (Туцзюэ) и Сунь Вань-юн (Кидань); во время своего пребывания они все изучали китайские законы и устройство, а когда они вернулись к себе, они подвергли опасности нашу пограничную область» [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 308–309].

Таким образом, сведения из китайских письменных источников свидетельствуют об интенсивном военно-политическом, культурном и социально-экономическом диалогах между восточными тюрками и Китаем. Дипломатия, к которой прибегали обе стороны, была совокупностью различных приемов и методов, проанализировав которые, можно не только понять основные краткосрочные задачи Китая и тюрков, но и установить тенденции в их внешнеполитических доктринах.

Китай, принимая во внимание военное превосходство тюрков, старался обойти прямые вооруженные столкновения и решить вопросы с помощью мирных целей и дипломатических приемов. Бюрократическая система Тан поражала своими размерами [см. подробнее: Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура. СПб, 2009]. На умиротворение тюрков были брошены ресурсы, которые можно было бы сравнить с армией, сражения которой происходили на дипломатическом поле. Это вовсе не означало, что китайцы считали себя проигравшими. Мудрость китайской науки стратегии гласит: искусный полководец одерживает победу без боя, и только величайший воин не воюет [Китайская наука стратегии / Составитель В.В. Малявин. М., 1999. С. 5].

Восточные тюрки, проводившие самостоятельную политику и, конечно, используя китайский внешнеполитический опыт, умело использовали свое военное превосходство и мобильность своих военных соединений. В случае неудачи на дипломатическом поле, они могли в любой момент придать дополнительный вес своими войсками в положительном разрешении того или иного вопроса для них. Лишь при династии Суй и в большей степени династии Тан, изучая военный опыт кочевников, на службе китайской армии появились регулярные конные подразделения, которые были созданы непосредственно под влиянием военных успехов восточных тюрков,

но их реальные успехи мы наблюдаем гораздо позже – лишь в 30-х г. VII в. [Попова И. Ф. Конница в китайской армии начала Тан (VII в.) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. Том II (XVII). СПб, 2006. С. 210–214.] Кроме того, поставщиками «транспортных средств», т.е. лошадей для Китая были те же самые тюрки, которые в зените своего могущества имели монополию в степи по торговым операциям с Китаем, поэтому, планируя военные походы, они прекрасно знали ситуацию в армии и конкретно, о количестве всадников у китайцев.

Таким образом, используя доступные ресурсы, каждая сторона преследовала свои цели. Однако стоит заметить, что Китай и Восточнотюркский каганат были не врагами, а соперниками. Об этом свидетельствует строительство дороги прямого сообщения между Императором и Каганом в начале VII в. (примерно 607–609 гг.), что является прямым доказательством мирных целей внешней политики обоих государств, несмотря на существующие разногласия между ними [Liu Mau-Tsai. Op. cit. S. 109].

Монгольское владычество на Руси и в Китае: историографический обзор

Е.В. Нолев

Россия, г. Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН

The article is devoted to the Mongolian dominion in Russia and China. A detailed analysis of historiography of the problem is given.

Вопрос о монгольских завоеваниях XIII столетия и их последствиях относится к числу ведущих и актуальных тем мировой медиэвистики. Результаты монгольских завоеваний имели индивидуальные особенности в каждом из покоренных государств, как и последующая их интерпретация. В данной статье мы попытаемся сопоставить некоторые аспекты монгольского господства на Руси и в Китае.

Исследователи выдвигают различные мнения о причине и характере монгольской экспансии. В советской историографии была сформулирована гипотеза об особенностях хозяйства страны, как причине особой агрессивности монгольских феодалов. Знать не могла удовлетворить жажду обогащения за счет эксплуатации собственного народа, в силу сравнительной малопродуктивности основного занятия монгольского народа – кочевого скотоводства. Соответственно, вектор эксплуатации смещается на соседние страны [Карга-